

Толпа смотрела на неё так горячо, будто к её заснеженным щекам прилипли угольки нового пламени, окрасив их в нежный румянец. Чжань Цзинъань смущалась, но в её смущении смешивались капля гордости и три доли предвкушения. Она прекрасно понимала, что восхищение, благодарность и благоговение в глазах окружающих обращены вовсе не к ней. Они были направлены на тех, кто стоял за её спиной, — на весь Железно-Кровавый Цзинхун, что сражался на полях сражений ради мира и покоя Династии Шэн, не щадя голов и проливая горячую кровь.

Но она и в самом деле безумно любила это, отчаянно жаждая однажды с тем же кипящим в груди пламенем броситься на защиту рубежей Династии Шэн. Ей никогда не стать лицом всего Железно-Кровавого Цзинхуна, но она должна — обязана — стать его частью и нести его долг и ответственность. Без сомнения, это станет самым ослепительным и великолепным мгновением всей её жизни.

К этому дню она готовилась уже больше десяти лет.

— Ой, неужели молодой генеральша покраснела? — с лукавой улыбкой постучал Пурпурной Нефритовой Сяо по ладони Цинь Юнцзюэ, явно наслаждаясь представлением.

Чжань Цзинъань от неожиданности вздрогнула. Словно её тайные помыслы выставили напоказ, стыд навалился с непреодолимой силой, и она свободной рукой закрыла лицо, мечтая зарыться куда-нибудь поглубже, лишь бы спрятаться целиком.

Стоявшая рядом Цзян Шэньсянь невольно рассмеялась. Её миндалевидные глаза сузились в лучистые полумесяцы, источая невероятное обаяние.

— Молодой генеральша, не закрывайтесь, — с улыбкой произнесла она. — Приносить пользу народу — вовсе не постыдное дело.

Эта фраза прозвучала неожиданно, но пришлась как нельзя кстати. Вмиг все присутствующие весело рассмеялись, атмосфера разрядилась.

— Глава союза Чжао, рад приветствовать, — Цинь Юнцзюэ улыбнулся, краешком губ тронув усмешку. Пурпурная Нефритовая Сяо закрутилась у него в пальцах, после чего он остановил её кончик на ладони и, бросив на Чжао Юйчжэн взгляд, полный неподдельного очарования, протянул: — Какая досада! В прошлый мой визит вы, помнится, были нездоровы, и встретиться не удалось. Как же сильно младший ван сожалел об этом!

— Благодарю за беспокойство, ваш покорный слуга, — с каменным лицом ответила Чжао Юйчжэн, сохраняя внешнее спокойствие. Внутри же её пробило на воспоминания: тогда, только придя в себя, она увидела, как у Чжао Сюньюаня глаза опухли с грецкий орех. Охваченная трогательным чувством, она подумала — как же сильно братец о ней переживал! Кто бы мог подумать, что заплаканный Чжао Сюньюань, заметив её пробуждение, с воплем бросится ей на грудь и горько заревет, захлебываясь обидой: Юйчжэн! Да как же ты долго спала! Твоя братца бесценная ширма с красавицами... её же забрала какая-то красавица еще

краше!

Картину того, как собственный брат рыдает у нее на плечах, невозможно было вспоминать без содрогания — от одних мыслительных образов Чжао Юйчжэн передернуло от холода.

Цинь Юйцзюэ приподнял брови. Если говорить об обаянии и умении нравиться людям, Чжао Юйчжэн сильно уступала своему брату Чжао Сюньюаню. Никаких тебе расшаркиваний или пустых любезностей — казалось, она вовсе не собиралась с ними заморачиваться. Впрочем, в этом таился свой особый вкус. Он вовсе не возражал: прищулив длинные красивые глаза, он источал праздную ленивость, напоминая гордую и негу напускающую кошку, отчего даже его провокационные слова звучали невероятно соблазнительно.

— По правде говоря, Долина Хаожань направила столь искреннее приглашение, что для меня огромная честь присутствовать здесь. Но когда простая выставка обретает столь грандиозный масштаб, невольно охватывает тревога. Глава союза Чжао, разве подобает Долине Хаожань встречать гостей подобным образом?

Стоило прозвучать этим словам, как вокруг шумно втянули воздух. Сяояо-ван открыто обвинял Долину Хаожань в халатности, едва не обернувшейся страшной бедой, и после пережитого ужаса разве мог кто-то остаться равнодушным? Репутация Долины Хаожань в строительном деле строилась не за один день, и от подобных случайностей должна была существовать железобетонная защита... Разве что кто-то устроил это нарочно.

На сердце Чжао Юйчжэн скребли кошки. Она понимала: будь то нелепая случайность, злой умысел или козни завистников, ответственность за случившееся все равно несет Долина Хаожань. Поразмыслив с минуту, она искренне произнесла:

— Ван-е выразился иносказательно, но Юйчжэн понимает. За это происшествие Долина Хаожань возьмет на себя полную ответственность и непременно представит всем отчет.

— О? Неужели? — Цинь Юнцзюэ приподнял бровь, а на его губах заиграла улыбка, придававшая ему сходство с хитрым лисом. — Тогда главе союза Чжао следует выразиться яснее: в чем именно будет заключаться эта ответственность? Каким будет отчет?

В стенах Долины Хаожань хватало людей, способных уладить подобные вопросы, и Чжао Юйчжэн вовсе не обязательно было решать всё самой. Но сейчас, перед лицом сотен переживших смертельную опасность людей и под непрекращающимися расспросами Сяояована Цинь Юнцзюэ, она не могла промолчать, хотя поначалу и растерялась, не зная, что ответить лучше всего.

Видя замешательство Чжао Юйчжэн, стоявшая рядом с ней девушка в розовом платье не выдержала. Ухватив подругу за рукав, она выпалила, глядя на Цинь Юнцзюэ:

— Сестрица Чжэн вовсе не пыталась снять с себя вину, подобное несчастье — несчастье для

всех, и долина доведет дело до конца. Почему это младший ван ведет себя столь агрессивно?

— Сяожэнь, — Чжао Юйчжэн покачала головой, не желая втягивать её в неприятности, и жестом велела замолчать.

Чжань Цзинъань охватило любопытство: с чего это девчонка в розовом так яростно защищает Чжао Юйчжэн? Не удержавшись, она тихо спросила:

— Кто она такая?

Цзян Шэньсянь с легкой улыбкой повернулась к ней и шепнула:

— Это вторая барышня с Виллы Дуаньсюэ, Фэн Сяожэнь. А девушка рядом с ней — её старшая сестра, Фэн Ли.

— Вилла Дуаньсюэ? Та самая, что кует божественное оружие? — удивилась Чжань Цзинъань. В мире Цзянху по меньшей мере семь-восемь из десяти легендарных клинков и мечей выходили из стен Виллы Дуаньсюэ, не знающей себе равных. Её собственное копье Юйхо тоже было выковано там.

Цзян Шэньсянь кивнула:

— Да, та самая Вилла Дуаньсюэ.

Заметив, как Чжань Цзинъань озадаченно кивает, догадываясь, что её больше всего смущает, она пояснила:

— Если спросить во всем Цзянху, кто сильнее всех боготворит главу союза Чжао, то она — первая среди них.

Чжань Цзинъань растерялась еще сильнее. Но вспомнив, как эффектно Чжао Юйчжэн появилась, чтобы спасти положение, с такой-то грацией... По правде говоря, это и впрямь способно вскружить голову. Ничего удивительного, что молодые девы преклоняются перед ней, совершенно ничего удивительного.

Цинь Юнцзюэ отлично знал, что Чжао Юйчжэн загнана в угол, и это полностью отвечало его планам. Сияя улыбкой, он протянул:

— Если Долина Хаожань не способна принять решение сию же минуту...

— Младший ван может не беспокоиться, в Долине Хаожань непременно примут решение.

Ясный, чистый голос прервал Цинь Юнцзюэ. Донесшийся из-за спин толпы, он звучал отчетливо и мягко, подобно стуку нефритовых камней друг о друга.

Все обернулись. Им навстречу шел интеллигентный юноша в сине-зеленых одеждах поверх длинного белого халата. На вид чуть за двадцать, с благородными чертами лица и выдающейся осанкой, в каждом его движении сквозила такая мягкая учтивость, будто повеяло теплым весенним ветерком.

Подойдя к Чжао Юйчжэн, он одарил её успокаивающей улыбкой — легкой, едва заметной, но источающей тепло. Затем он сложил руки в приветственном жесте и без малейшего подобострастия произнес:

— Младший ван, я — Чжао Етань, управляющий Долины Хаожань. Все дела в долине, большие и малые, находятся в моем ведении. Наша вторая барышня занимает высокий пост и дни напролет занята делами Цзянху, так что ей не стоит утруждать себя подобными мелочами.

Стоило толпе услышать это, как все подумали: а ведь и правда. Чжао Юйчжэн хоть и вторая барышня Долины Хаожань, но прежде всего она — глава Союза Цзянху! Все эти кровавые распри и схватки в мире боевых искусств требуют её постоянного вмешательства и улаживания. А делами самой долины, разумеется, лучше всего заведовать специально обученным людям.

Раз уж нашелся тот, кто разрядил обстановку и разом перехватил инициативу, Цинь Юнцзюэ вовсе не рассердился. Сияя улыбкой, он произнес:

— Что ж, тогда утруждаю управляющего Чжао наведением порядка.

Чжао Етань сбросил с лица расслабленность и отдал приказ сопровождавшим его людям: охранять место происшествия, собирать улики, а также связаться с союзными сектами, владевшими пострадавшими дворами, и попросить их о содействии в расследовании, чтобы подготовиться к дальнейшим шагам.

Всего за пару фраз Чжао Етань навел безупречный порядок. Получив указания, люди из долины разошлись выполнять свои задачи, а Чжао Етань зычным голосом объявил:

— В свое время ход и результаты расследования будут обнародованы. Долина Хаожань никоим образом не станет скрывать правду, выгораживать виновных или перекладывать ответственность!

Затем его голос слегка понизился, и он прямо посмотрел на Сяояо-вана:

— Скажите, младший ван, вас устраивает такой исход?

Цинь Юнцзюэ рассмеялся. Его ослепительная, лишенная тени показной скромности красота поражала воображение, а в словах сквозила неподдельная искренность:

— Имея в долине столь безупречного, во всех отношениях надежного управляющего, вы, можно сказать, избавлены от семи-восьми бед из десяти. Какое же счастье для главы союза Чжао и главы долины Чжао обладать им!

С этими словами он слегка повернул голову и бросил:

— Фуцинь, тебе стоит поучиться у него.

— Раз управляющий Чжао столь дотошен, боюсь, Фуцинь останется лишь признать свое поражение.

Само собой, при Резиденции ван Сяояо состояли два управляющих — главный по гражданским делам и заместитель по боевым. И этот человек, судя по всему, как раз и был старшим управляющим по гражданской части — Чжоу Фуцинь.

Чжао Етань на мгновение замер, словно что-то припоминая, и медленно произнес:

— Молодому господину Чжоу не стоит скромничать. Весенний ветерок провожает юношеские помыслы, а блестящий отборный талант украшает столицу — эта история по сей день звучит как прекрасная легенда.

Выражение его лица было спокойным, слова — искренними, причем девять десятых в них составляла чистая правда, а оставшаяся десятая доля походила на сожаление и вздох.

В тот год Чжоу Фуцинь занял первое место среди лучших выпускников. Под стук копыт разлетались лепестки персиков, а его алые одежды развевались на весеннем ветру, являя миру поистине непревзойденную, ослепительную красоту. Студенческая дерзость юности была чиста и драгоценна, не говоря уже о триумфе перед императорским тронным залом, чье сияние затмило всё вокруг. Даже вечно придиричивый старый сановник Вэй Нин не скупился на похвалы, заявляя, что кресло первого министра нашло достойного преемника.

Сколь блестящим было его будущее, сколько перед ним открывалось дорог! Ему надлежало в лучшие годы жизни проявить свои таланты, воплотить грандиозные замыслы по переустройству мира, совершить великие подвиги и прожить жизнь не зря.

Но прошло всего три дня, как Сяояо-ван под предлогом того, что в усадьбе не хватает управляющего с весомым авторитетом, лично явился во дворец и увел его в Резиденцию ван Сяояо.

Столица зашумела. Немало сановников подали совместные петиции, усовещевая императора

Шэн: как может Сяояо-ван позволять себе столь безудержные вольности? Он посмел — посмел так легко посягнуть на человека, столь ценного для всей Династии Шэн! Это казалось верхом абсурда.

Однако император Шэн сохранил невозмутимость: он устроил пир, велел министрам остудить пыл, и дело замяли.

Правитель Династии Шэн Цинь Юнжань был одинаково искусен в перо и мече. В делах он проявлял решительность и суровость, а к людям — милосердие и доброту, заслуженно славя мудрым монархом. Во всем он был хорош, за исключением одного — он слишком сильно баловал Сяояо-вана.

Это был секрет, о котором молчаливо знали все чиновники Династии Шэн, да и простой народ тоже. А новость о том, что император пожаловал новоиспеченного чжуаньюаня Чжоу Фуциня прямо Сяояо-вану, дошла и до Чжань Цзинъань. Она помнила, что из-за этого скандала её отец целую неделю гонял её на тренировках в усиленном режиме — должно быть, до того сильно он разозлился.

Ощущая на себе жгучие, презрительные взгляды толпы, которыми одаривали избалованного аристократа, Цинь Юнцзюэ, казалось, уже привык. Бросив небрежный взгляд на толпу, он позволил блеску мелькнуть в глазах и с напускным удивлением воскликнул:

— Ой, да это же господин Ли Чэнъянь! Разве вы не хворали и не собирались досрочно выйти в отставку, возвратившись в родные края? Мой императорский брат хоть и уважил вашу просьбу о прощении, но сильно за вас переживал. Кто бы мог подумать, что вы развлекаетесь здесь?

<http://bllate.org/book/19522/1913975>